

Кафтайлова Наталья Александровна

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ПРЕДЛОГАМ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОДХОДЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/26.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-80. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В данном случае образовательная сеть определяется как среда, в которой образовательное учреждение или педагоги, участвующие в экспериментальной апробации учебного комплекса, могут взаимодействовать с другими образовательными учреждениями и учреждениями-консультантами по вопросам совместной работы.

По нашему мнению реализуемый концептуальный подход и созданная эколого-образовательная модель обеспечат подрастающее поколение объективной информацией о характере воздействия радиационных и нерadiационных факторов и уровней риска, с одной стороны, и сформируют необходимые для объективного восприятия этой информации компетенции у школьников, с другой стороны. Реализация проекта позволит повысить эколого-социальную защищенность подрастающего поколения в регионах присутствия предприятий (перспективных площадок) атомной отрасли, включая Томскую область.

Список литературы

1. Карпов С. А. Целостное образовательное пространство Росатома // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 59.
2. Кондаков А. Стандарты второго поколения: преемственность и инновационность // Учительская газета. 2008. № 41. С. 16.
3. Кузнецов А. Академический учебник и образовательный стандарт нового поколения // Информатика и образование. 2008. № 1. С. 3.
4. Кузнецов А. О школьных стандартах второго поколения // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2008. № 2. С. 3.
5. **Фундаментальное ядро содержания общего образования** / под ред. В. В. Козлова и А. М. Кондакова. М.: Просвещение, 2009. 48 с.
6. Шудегов В. Нормативно-правовое обеспечение стандартов общего образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2006. № 1. С. 16; № 2. С. 16.

УДК 372.881.111.22

Наталья Александровна Кафтайлова

ГОБУ ВПО «Государственный университет - Высшая школа экономики»

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ПРЕДЛОГАМ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ПОДХОДЕ[©]

Межкультурный подход предполагает учёт в процессе обучения иностранному языку (далее - ИЯ) обязательного взаимодействия контактирующих языковых и концептуальных систем участников коммуникации - представителей двух лингвосоциумов. Это принципиальная основа обучения, в том числе грамматике иностранного языка, и в частности, предлогам пространства и времени. В обучении ИЯ чрезвычайно важно принимать во внимание концептуальные различия и сходства картин мира представителей лингвокультур, взаимодействующих в процессе межкультурного общения. «Когда учёные говорят о межкультурных различиях в мышлении, они считают основным источником этих различий способы классификации (или категоризации) мира, свойственные той или иной культуре» [5, с. 84]. Межкультурный подход призван решить сложности, возникающие у носителей одной (русской) культуры при изучении иностранного языка, что означает погружение в иную (немецкую культуру).

В своей монографии Н. М. Лебедева указывает также: «наша собственная культура задаёт нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира». Если мы все время живём в одной культуре, то естественным для нас будет считать свою культуру стандартом» [Там же, с. 21]. Пребывая в одной культуре, человеку непросто, а порой и невозможно, представить себе, что где-то в другой культуре то или иное явление может быть организовано (увидено, присвоено) по-другому; это происходит потому, что крайне сложно вообразить себе иной способ осмысления и освоения окружающего пространства. Наша собственная русская культура, столь богатая и многогранная, в случае контакта с другой иной культурой зачастую может сослужить недобрую службу: «...процесс социализации, открывая человеку мир, делает его слепым и глухим к мирам, открываемым с помощью других перцептивных навыков, лежащих в основе социализации в других культурах. Люди из разных культур, взаимодействуя друг с другом, исходят из разного перцептивного опыта. Этот опыт влияет на способ получения информации и о самом межкультурном взаимодействии. Мы оперируем этой информацией, не задумываясь о её достоверности и о том, что наш способ интерпретации увиденного пригоден лишь в собственной культуре. Когда мы едем в иную культуру, мы берём эти навыки с собой, не задумываясь о том, валидны ли они в других культурах, что может сильно осложнить и исказить межкультурное взаимодействие» [Там же, с. 75-76].

Следует заметить, что о том, что культура проявляется как во внешнем выражении, так и в содержании глубинного слоя, так называемой «внутренней» культуры (Н. М. Лебедева, Е. Т. Hall).

Грамматика любого языка, что очевидно, представляет глубинные слои культуры, а, следовательно, относится к её внутренней форме. Используя в речи грамматические явления, употребляя предлоги, например, предлоги пространства и времени, мы не отдаём себе отчёта (если, конечно, в научных целях мы не заостряем на этом внимание и не рассматриваем речь «под микроскопом») в том, почему нами выбран тот или иной предлог, каково его первоначальное значение, как оно изменилось и вообще - откуда он возник.

Пример, подтверждающий сказанное, мы находим в работе З. М. Цветковой в её рассуждениях о взаимозависимости содержания высказывания и той грамматической формы, которую следует выбрать для его оформления: «Например, в немецком языке артикль, слитый с предлогом, не во всех контекстах вполне равен по своему значению тому же предлогу с артиклем (не в слитном виде), например: «in dem» не всегда можно заменить сочетанием «im». Очевидно, «im» в современном немецком языке иногда имеет менее конкретный характер, чем сочетание «in + dem». Например, «im Bett (zu Bett) sein» - означает «лежать в постели» (отдохнуть или быть больным). Таким образом, «in dem Bett» приобретает чисто пространственное значение, указывая на место нахождения лица или предмета. В английском языке процесс большей или меньшей конкретизации в связи с пространственными представлениями находит свое выражение в опущении артикля и выборе определённого предлога, например: «is at school» = в школе (учиться), «is in the school» = находиться в школе как в здании (ср. с французским: «il est à l'école», «il est dans cette école»)» [8, с. 15-16].

Вышесказанное позволяет утверждать, что межкультурный подход в обучении иностранным языкам, обеспечивая глубокое проникновение в концептосферу изучаемой культуры, а также понимание собственной, даёт студентам возможность осмысления грамматических знаний родного языка, применяемых на интуитивном уровне и использование аналогичных знаний изучаемого языка в ходе оперирования его языковыми единицами.

Пространство и время являются наиболее древними культурными артефактами любого этноса. Пространственно-временные отношения, их понимание, восприятие, взаимосвязи и взаимозависимости оказываются неотъемлемой характеристикой любого социума. Они сопровождают человека с самого зарождения цивилизации и отражают особенности когнитивных процессов любой человеческой общности, направленных на освоение мира. Пространственные и временные отношения могут быть выражены в языках самыми различными способами. Одним из способов выражения концептуальных представлений о пространстве и времени в двух лингвокультурах служат предлоги, имеющие место в немецком и русском языках. **Предлоги** избраны в связи с их наглядностью и неоспоримой значимостью для осуществления успешной межкультурной коммуникации, а также практической возможностью проиллюстрировать реализацию межкультурного подхода в ходе обучения ИЯ.

Как свидетельствуют многочисленные исследования (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв; О. С. Иссерс; В. В. Красных; Н. М. Лебедева; О. А. Леонтович; Т. Н. Маляр; Е. С. Яковлева; Y. Desportes; Е. Т. Hall), представления о пространстве и времени явно демонстрируют концептуальные различия представителей разных лингвокультур: посредством временной и пространственной категоризации обеспечивается своеобразие и неповторимость концептуальных картин мира.

В. В. Красных, рассуждая о концептах пространства и времени, соотносит их с кодами культуры. С точки зрения ученого, «код культуры есть «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 297]. Существуют следующие коды культуры: 1. соматический (телесный); 2. **пространственный**; 3. **временной**; 4. предметный; 5. биоморфный; 6. духовный (выделено мной - Н. К.) [Там же, с. 298]. Значимым с позиций понимания роли пространственного и временного кодов культуры является соотношение автором когнитивной базы и культурного пространства. Когнитивная база «... имеет в первую очередь горизонтальную структуру, т.е. имеет центр и периферию, а культурное пространство имеет и вертикальную структуру, т.е. имеет глубину. К глубинным слоям культурного пространства следует относить те представления, которые восходят к архетипическим, древнейшим представлениям, соотносятся с ними и представляют собой базовые оппозиции культуры. К числу таких оппозиций, соотносимых с архетипами, следует относить оппозиции «верх - низ», «далеко - близко», «хорошо - плохо», «свой - чужой», «много - мало», «право - лево» и некоторые другие» [Там же, с. 297]. Учёный доказывает, что пространственная категоризация мира русскими производится не только при помощи наречий, но и, не в последнюю очередь, предлогами. Предлог пространства или времени обслуживает процесс вербализации концептуально-когнитивной базы и культурологической структуризации мира. Это означает, что выделение пространственного и временного кодов культуры (концептов) «овнешвляется» (помимо прочих возможностей) посредством предложных пространственно-временных групп.

Исследование категорий пространства и времени имеет свою историю. Знаменательно, что подходы специалистов разнятся в их интерпретации, что лишь подтверждает возможность и продуктивность исследования таких категорий с разных ракурсов рассмотрения. В частности, категория пространства была подробно изучена Е. Т. Холлом. Интересно, что в социальных ситуациях он выделяет 4 дистанции: «... intimate, personal, social, and public (each with its close and far phase)» [10, p. 114]. Подобным образом рассуждает В. В. Красных, представляя членение мира в соответствии с «пространственным кодом» на: 1. внутренний мир человека; 2. фрагмент внешнего мира, образующий личную зону; 3. фрагмент внешнего мира, осознаваемый как близкий, свой, родной; 4. фрагмент внешнего мира, который воспринимаемый как чужой, чуждый, враждебный [4, с. 300].

Отечественными, так и зарубежными учеными (Н. М. Лебедева, Р. Джонстон, В. Кирк, D. Lowenthal) исследуется особенность и неповторимость восприятия пространства, исторически обусловленные географической средой обитания. Важно, что стереотипы восприятия окружающего пространства характеризуются необычайной устойчивостью. Это можно объяснить следующим образом: «...любое национальное (этническое) языковое сообщество противостоит в своей особости всем другим языковым сообществам и является суверенным субъектом не только национально-языковой, но и обусловленной последней этнокультурной общности «бытийственной» сферы, общности семейно-бытового уклада и т.д. и их знакового (семиотического) выражения» [7, с. 142].

Применительно к рассматриваемому нами грамматическому явлению это означает, что каждый народ неповторимым образом воспринимает окружающую действительность. Специфика видения окружающей реальности, важность и приоритетность пространственных и временных отношений закрепляется и передается в языке от поколения к поколению. Например, в молитвах отражается то, как русские и немцы по-разному воспринимали небо - место, где живет Господь: «Отче наш, Иже еси **на** небесех!» и «Vater unser **im** Himmel!»

Объяснить выбор предлога «на» в русском варианте поможет исследование Е. С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия)». В параграфе о «широте» пространства носителей русского языка автор пишет: «... «окрестность говорящего» - это та область пространства, его окружающего, которая расположена по горизонтали от него, приблизительно на одном с ним уровне, и при этом, как правило, совпадает с поверхностью земли (традиционной сферой «естественного» освоения пространства). Важно учитывать, что в применении к «окрестности» признак «горизонтальность» выступает в совокупности с эгоцентрической ориентацией объектов, и поэтому понятие «окрестности говорящего» не соотносится прямо с такой характеристикой, как геоцентрическая ориентация» [9, с. 29-30]. Тем самым автор доказывает, что ««категория дистанции» в русском языке тесно связана с горизонтальной ориентацией пространства, т.е. в этой области языковой семантики находит отражение, так сказать, «плоскостное», «равнинное» мышление говорящих (язык отразил наиболее типичный ландшафт)» [Там же, с. 31]. Сказанное подтверждает В. В. Красных: «...русское пространство строится в основном по горизонтали, и членение на «свой мир - чужой мир» располагается в первую очередь на горизонтальной оси. <...> Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх - низ»» [4, с. 302].

Становится понятным, что для русских такое «плоскостное» восприятие мира отражается в превалирующем употреблении предлогов, обозначающих нахождение предметов на поверхности: **на** поле, **по** дороге (к), (лежать) **на** солнце; или **im** Feld, **auf** dem Weg (zu), **unter** der Sonne (liegen) и др. В немецком же мировосприятии преобладает такой подбор предлогов, который отражает скорее нахождение внутри, в ограниченном пространстве.

Сегодня такая ограниченность может показаться не вполне очевидной, но она имеет глубоко укоренившееся, исторически обусловленное и диахронически (архаически) полностью мотивированное понимание пространства. Заметим, что эта закономерность характерна не только для исследуемой пары языков. Например, К. Н. Хитрик со ссылкой на З. Г. Абдуллаева указывает: «...по-даргински «ноги в сапогах» или «сапоги на ногах» далеко не идентичные по смыслу выражения. Или взять, к примеру, русский и персидский языки: по-русски «он вырос у меня **на** глазах», а по-персидски: Uzir-e šešmam bozorg šode - букв. «он вырос у меня **под** глазами» [7, с. 319].

Концептуальные различия, проявляющие себя на уровне восприятия пространства и времени представителями разных лингвокультур, не могли не привлечь внимание учёных. Этому отчасти посвящено исследование Н. А. Красавского, который изучает существительные, вербализующие состояние эмоций. Для нашего исследования значим вывод автора о том, что восприятие человеком пространства и времени всегда оказывало прямое влияние на формирование эмоциональных концептов. Автор пишет: «...у греков отсутствовало наше чувство ландшафта, чувство горизонтов, видов, дали, облаков, а также понятие отечества, распространяющееся на большое пространство и охватывающее большую нацию. <...> Лишённые чувства времени, дали, бесконечного, греки были лишены и вообще всякого чувства заднего плана, потустороннего. Для них существовал только передний план бытия» [3, с. 41].

Важно, что учёные неоднократно констатируют существование нерасторжимой связи, существующей между представлениями человека о пространстве и времени. Взаимозависимость времени и пространства (пространственно-временного континуума) заявлена в общей теории относительности, разработанной А. Эйнштейном. Между тем, авторами доказано, что представления о пространстве развились у людей раньше временных, и во многом явились для последних определяющими. Как указывают учёные: «временные отношения начинают доминировать в сознании [человека] не ранее XIII в. В предшествующий же период самое время воспринималось в значительной мере пространственно» [9, с. 95]. Вспомним, к примеру, о том, что порой и сегодня путь измеряется «тремя днями», «пятью сутками», а не условными километрами.

Объяснение этим фактам мы обнаруживаем у Р. А. Будагова. Он говорит о том, что в соответствии со сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков категория модальности глагола выражала категорию времени во многих средневековых европейских языках и лишь позднее «... «перетянула на себя» часть функций, которые раньше принадлежали модальности. <...> средние века и эпоха раннего Возрождения ещё не знали, что такое категория времени как абстрактная категория.

Несмотря на появление всевозможных хроник, описаний войн, воспоминаний о прошлом, самого понимания событий во времени и ту эпоху не существовало. Развитие понималось как возвращение к старому. <...> Неумение передать время было связано с неумением передать движение, передать развитие. Понятие времени и понятие развития сравнительно поздно научились соотносить друг с другом. <...> Не только средние века и раннее Возрождение, но и их «предшественница» античность по-своему представляла себе категорию времени. <...> Если понимание самой последовательности требовало немалых усилий, то ещё сложнее было представить себе разные события, происходящие в одно и то же время. Категорию времени надо было научиться раздвигать не только в «длину» (последовательность), но и в «ширину» (одновременность во времени)» [2, с. 121-122].

Явление взаимодействия и переноса пространственных отношений на временные носят общечеловеческий характер и, соответственно, присущи каждому этносу. Известно немало предлогов в немецком и русском языках, перешедших из разряда пространственных во временные. Например: **in - в** (размещение внутри) и **in - в** (момент времени); **von - от** (место) и **von - с** (момент времени, начиная с...); **na** (место) и **na** (срок); **za** (расположение) и **za** (срок, время с начала...). В. В. Красных по этому поводу указывает: «...пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежащих соматическому коду, неразрывно связан с кодом временным. Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обуславливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т.е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время - с помощью единиц пространственной сферы: в двух минутах отсюда, в трех часах езды; в шаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы» [4, с. 302].

Тот факт, что пространство и время не только взаимосвязаны, но и обуславливают многие другие стороны жизни, можно проследить в работе Е. В. Бабаевой, которая рассматривала ценностные концепты с точки зрения анализа существительных. Ей удалось установить, что ценностные понятия в различных лингвокультурах находятся не только в определённой зависимости от пространства и времени, но и по-разному определяются последними. В частности, автор указывает на специфику, обнаруженную в «генетических основаниях одного из базовых концептов аксиологической картины мира: концепт нормы в диахроническом плане в немецкой лингвокультуре обнаруживает более тесную связь с концептом времени, в русской лингвокультуре - с концептом пространства» [1, с. 6].

Временные и пространственные отношения обуславливают протекание жизни представителя каждого этноса, что передается от поколения к поколению в его культурных обычаях и традициях, выражается вербально посредством разных явлений языка, в том числе предлогов. «Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [9, с. 85]. Данная мысль исключает априорную заданность восприятия времени, оно, напротив, культурно обусловлено.

«Привычки» поколений в ощущении времени и пространства обуславливают концептуальную картину мира представителей германского или русского народа и формируют их устойчивые (далеко не всегда осознаваемые) представления, стереотипы, манеру поведения и общения. Формируются этнические константы - «бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде. <...> Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [6, с. 228].

В отношении временных констант хорошо известно проведенное Е. Т. Холлом деление социумов на моно- и полихромные человеческие объединения: «*Monochronic is characteristic of low-involvement peoples, who compartmentalize time; they schedule one thing at a time and become disoriented if they have to deal with too many things at once. Polychronic people, possibly because they are so much involved with each other, tend to keep several operations going at once, like jugglers*» [10, p. 173]. Проводимое автором деление культур во временном отношении несколько условно, но подчёркивает некоторые существенные различия в восприятии времени представителями различных этносов и специфики оперирования им. В терминологии В. В. Красных эти отношения выражает «временной код», который, являясь частью культуры, «фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени» [4, с. 303].

Всё отмеченное выше подводит нас к заключению о том, что представления разных народов о пространстве и времени существенным образом разнятся. Способы их вербализации (репрезентации) в разных языках, в том числе, посредством грамматических явлений (пространственно-временных предлогов) способны продемонстрировать эти отличия, выявить культурное, исторически обусловленное, доречевое содержание. При освоении этих явлений должно происходить погружение в специфику концептуального пространства своего и иного лингвосоциума с целью анализа, сравнения, понимания, присвоения (интериоризации). Именно эти процессы приведут к формированию у студентов языкового вуза грамматической компетенции, позволяющей им полноценно участвовать в межкультурном общении.

Список литературы

1. **Бабаева Е. В.** Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2004. 40 с.
2. **Будагов Р. А.** Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977. 285 с.
3. **Красавский Н. А.** Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
4. **Красных В. В.** «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
5. **Лебедева Н. М.** Введение в этническую и кросс-культурную психологию: учебное пособие. М.: Ключ-С, 1999. 224 с.
6. **Лурье С. В.** Историческая этнология: учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.
7. **Хитрик К. Н.** Теоретические основы обучения культуре иноязычного речевого общения в специальном языковом вузе (на материале индоевропейской ветви языков): дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. М., 2001. 571 с.
8. **Цветкова З. М.** О преподавании иностранных языков в средней школе. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1949. 32 с.
9. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
10. **Hall E. T.** The hidden dimension. An anthropologist examines man's use of space in public and private. New York: Anchor Books; Doubleday & Company, Inc.; Garden City, 1969. 217 p.

УДК 316.752.754

Милена Александровна Кленова
Саратовский государственный университет

РИСК И РАСЧЕТ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ[©]

Ценностные ориентации общества, как предмет научного познания, представляют большой интерес в работе социальных психологов. Изучение отношения к риску как ценности - достаточно новая область исследования в социальной психологии. В нашем экспериментальном исследовании мы попытались проанализировать структуру ценностных ориентаций представителей разных поколений, включив в перечень основных ценностей «риск» и «расчет».

Цель исследования: определение места и роли риска в структуре ценностных ориентаций представителей разных поколений.

Методы исследования: для реализации цели нашего исследования был использован модифицированный опросник «Ценностные ориентации» М. Рокича. Испытуемым предлагалось оценить предложенные ценности по десятибалльной шкале. Кроме того, в структуру инструментальных ценностей нами были добавлены такие ценности как: «рискованность» и «расчетливость». Достоверность различий по средним величинам определялась с помощью t-критерия Стьюдента. Также был применен факторный анализ.

База исследования: 307 человек, среди них 112 в возрасте 18-25 лет, 101 в возрасте 40-55 лет и 94 в возрасте 60-75 лет.

По результатам факторного анализа после Варимакс вращения все представленные ценности образовали пять основных факторов.

Первый фактор *ценности дела* объединяет в себе ценности касающиеся успеха в каких-либо действиях. Важными ценностями, определяющими успех, по мнению испытуемых, являются: аккуратность, исполнительность, чуткость, честность, рационализм, общественной признание. В данном случае речь идет о личностных качествах. То есть, эффективность в делах зависит, в первую очередь, от индивидуальных особенностей личности (честность, аккуратность и пр.). По результатам нашего исследования наиболее важная для испытуемых группа ценностей - ценности дела.

Второй фактор *абстрактные ценности*, или *ценности творчества*. В данный фактор включаются категории: творчество, красота природы, образованность, развитие, счастье других, жизненная мудрость и др. Как можно заметить, все представленные ценности отражают некое философское восприятие жизни с элементами альтруизма. Наряду с ценностями саморазвития, испытуемые отмечают для себя важность счастья других людей.

Третий фактор *индивидуалистические ценности*. В данный фактор включаются следующие ценности: широта взглядов, независимость, свобода, твердая воля, честность, терпимость и др. Говоря в общем смысле об индивидуалистических ценностях, можно отметить следующее: в индивидуализме субъективное рассматривается с позиций независимости, суть которой в «...устранении всякой иной ценности, кроме ценности утвержденного «Я». В конечном счете, субъект теряет свой смысл, подменяясь понятием «индивид» [4, с. 93]. Другими словами, значимость индивидуального в осознании окружающей действительности и самого себя, является как бы переходным состоянием от субъекта к индивиду. В нашем исследовании индивидуалистическим ценностям со стороны испытуемых отдается достаточно большое значение.